

Съемки "Инея" должны были вот-вот начаться. Площадка была готова, персонал суетился, выполняя поручения. Многие актеры приехали заранее, чтобы освоиться на местности и лучше вникнуть в сценарий. Сопровождающая сценарист, госпожа Чжан, показывала Фан Хуаю окрестности.

- Вы ведь в общих чертах знакомы с сюжетом "Инея", верно? - спросила сценарист, приятная женщина средних лет в очках. - Я говорила с режиссером Линем, и он сформулировал главную идею так: "История о непоколебимой романтике и идеалах".

- Непоколебимая романтика и идеалы, - Фан Хуай шел рядом с ней, задумчиво повторяя слова.

Эта фраза идеально описывала суть "Инея".

"Иней" не был стандартной историей. Хотя в центре повествования находился главный герой, фильм больше походил на ансамблевую драму. Каждый персонаж был ярким, живым, и каждый по-своему воплощал понятия "романтика" и "идеалы" в своей жизни.

В тот день все еще моросил дождь. Мимо проходили члены съемочной группы, многие украдкой бросали взгляды на Фан Хуая. Его внешность притягивала внимание. На площадке уже было немало актеров, и все как на подбор красавцы, но он все равно выделялся из толпы.

- Госпожа Чжан, Сюй Шу еще не приехал, - к ним поспешно подошел кто-то из ассистентов. - Он снова задерживается, сказал, что прилетит только завтра.

Сценарист, госпожа Чжан, слегка нахмурилась.

- Все еще нет?

Повернувшись к Фан Хуаю, она виновато кивнула.

- Прошу прощения, одну минуту.

Она вручила свой зонт Фан Хуаю и, раскрыв другой, направилась к ближайшему зданию.

Фан Хуай остался стоять под серыми стенами, увитыми плющом, и белыми черепичными карнизами, наблюдая, как дождевая вода вьющимися струйками стекает по камню. Он на мгновение погрузился в свои мысли. С трех часов ночи он не сомкнул глаз, но усталости не чувствовал. Бесчисленные ноты роились в голове, но то мимолетное озарение, что он мельком уловил, по-прежнему ускользало.

Черная кошка потерлась о его ногу и лениво вылизала лапку.

Все еще витая в облаках, Фан Хуай бессознательно наклонил зонт, прикрывая кошку, и подставил под дождь собственное плечо.

Многие не удержались и тихонько достали телефоны, чтобы сделать снимок.

Художник по костюмам обсуждала что-то с коллегой, когда ее взгляд случайно упал в окно, и она на миг замерла. Ее собеседница проследила за ее взглядом, тихо ахнула и спросила:

- Кто это? Какой красавчик! Лицо знакомое. Он актер?

Художник покачала головой и задумчиво протянула:

- У него потрясающая фигура - в военной форме будет смотреться сногшибательно.

У юноши было телосложение, которое украшало любой наряд. Высокий, подтянутый, он легко вписывался в разные стили. Военная форма эпохи, показанной в "Инее", была отлично сшита, но немногие актеры могли носить ее с должным достоинством.

Сегодня Фан Хуай был одет в чуть свободную льняную рубашку, рукава которой были закатаны до локтей. Когда он слегка приподнял зонт, из-под его края сверкнула пара светло-янтарных, влажных от дождя глаз. Он стоял под хмурым небом на фоне белых стен, держа зонт над маленькой кошкой.

Эта сцена была полна тихой поэзии.

- Вы что, его не знаете? - прошептал проходивший мимо ассистент звукорежиссера. - Это же Фан Хуай - победитель того шоу талантов. Он пишет главную тему для нашего фильма.

- Участник шоу талантов? - удивилась художник по костюмам. - Совсем не похож.

К выходцам из подобных шоу она относилась скептически, но этот юноша выглядел опрятно и держался с достоинством.

- С виду такой скромный, а на самом деле тот еще маркетолог. Строит из себя "олдскульного,

преданного фанатам" парня, и его поклонницы от него без ума, - фыркнул ассистент. - Но я слышал, он больше не может писать песни. Ума не приложу, о чем думает режиссер Линь - ставлю на то, что композитора скоро заменят.

- Кто это сказал?

Раздался ленивый, чуть хриловатый голос.

Трое обернулись на звук и замерли.

У дверного косяка, прислонившись плечом, стоял высокий, невероятно красивый мужчина. Его полуприкрытые бледно-золотистые глаза сонно щурились, пока он подавлял зевок. За окном все еще шел дождь, и далекие огни коридора отбрасывали мягкий свет. Он рассеянно опустил взгляд на свой телефон.

Буквально на прошлой неделе он был за границей, на кинофестивале.

Это был исполнитель главной роли в "Инее" - Фэн Лан.

В то утро, осмотрев съемочную площадку, Фан Хуай внимательно выслушал размышления сценариста и понаблюдал за репетицией нескольких актеров второго плана. Затем он заперся в своей комнате.

Комната была небольшой, из мебели - только пианино и письменный стол. Шторы были плотно задернуты. Фан Хуай держал в руках сценарий, время от времени бросая на него взгляд, затем нажимал несколько клавиш, черкал ноты на бумаге, комкал лист и бросал в корзину - и так снова и снова.

Он мог сочинять быстро, ноты ложились на бумагу без усилий. Даже без вдохновения он мог выдавить из себя мелодию. Но он так же быстро отбраковывал каждый набросок, и вскоре мусорная корзина была переполнена.

В полдень Ши Фэйжань принес ему обед и как бы невзначай предложил:

- Если будет время попозже, может, проведешь прямую трансляцию?

После появления на красной дорожке Фан Хуай довольно долго не показывался на публике. Хотя он ежедневно постил что-то на Weibo - иногда Ши Фэйжань загружал фотографии за него, - общение с фанатами было минимальным. Поддерживать определенный уровень медийности было важно.

К тому же Ши Фэйжань надеялся, что это поможет Фан Хуаю немного расслабиться - тот слишком себя загонял. Возможно, болтовня с фанатами поднимет ему настроение. Это не была бы официальная промо-трансляция, просто неформальный разговор, а Ши Фэйжань проследил бы за чатом, чтобы все прошло гладко.

Он терпеливо объяснил Фан Хуаю, что такое стрим.

Фан Хуай кивнул.

- Хорошо.

Он рассеянно жевал хлеб, его взгляд блуждал где-то далеко. Проглотив хлеб за несколько укусов, он снова сел за стол, взял ручку и - три минуты спустя - швырнул очередной скомканный лист в корзину.

Ши Фэйжань: "..."

Полчаса спустя Фан Хуай неуклюже настроил телефон и запустил прямую трансляцию.

Это был его первый стрим, и он не анонсировал его заранее, но в считанные мгновения в эфир хлынули тысячи зрителей, и их число продолжало неуклонно расти.

[Это правда он?! Ааааа, я с ума сойду - он так близко, дайте мне надышаться.]

[Ты похудел, ты что, перерабатываешь? Пожалуйста, отдохни, ладно?]

[Ты пишешь музыку, Хуайхуай? Я вижу пианино на заднем плане!]

[Без фильтров, без макияжа - какой же ты настоящий! Но черт, все равно потрясающе выглядишь. Не зря я не спала!]

Фан Хуай был новичком в стримах и с трудом успевал следить за летящими сообщениями. Тем не менее, он старался серьезно отвечать:

- Я пишу музыку. Нет, я не дома.

- Не спите слишком поздно? Ложитесь вовремя. Спокойной ночи.

- Я сыграю для вас.

Фанаты попросили его сыграть на пианино, и он небрежно исполнил короткий отрывок. Никто не затрагивал тему его творческого кризиса.

Внезапно по экрану пронеслось несколько резких комментариев:

[Какая гадость. Явно же не может больше сочинять, но все равно присосался к "Инею", как пиявка. Абсолютно отвратительно.]

[Линь Шэньюнь, очнись! Вышвырни уже это бездарное личико. Фан Хуай, вали из "Инея". Спасибо.]

Аккаунт хейтера был быстро заблокирован. Фанаты кипели от ярости, но воздержались от

открытой перепалки в чате. Вместо этого они молча объединились, заваливая экран позитивными сообщениями, чтобы похоронить под ними оскорбления. И все же тревога поселилась в их сердцах.

Прямая трансляция вскоре завершилась.

Фан Хуай погасил экран телефона, и многие зрители постепенно покинули эфир. Кто-то ушел совсем, другие оставили стрим включенным в фоновом режиме, занимаясь своими делами. В конце концов, счетчик зрителей замер на отметке около сотни.

Из этой сотни кто-то отправился спать, кто-то продолжил работать, а некоторые вернулись через полчаса - и услышали звуки пианино.

Фан Хуай лишь погасил экран, но саму трансляцию не завершил!

Где-то на другом конце провода.

Фан Хуай отложил ручку и откинулся на спинку стула, устремив пустой взгляд в потолок. Он посмотрел на сценарий, затем на оторванный листок настольного календаря - на нем была та самая строка с половиной нот, набросок, рожденный внезапным озарением. Эти несколько нот были настолько совершенны, что все, что он пытался написать после, казалось лишь жалкой пародией.

Было уже пять часов вечера.

С трех часов ночи и до этого момента - не считая времени на осмотр площадки, еду и короткий стрим - прошло двадцать часов. Дождь прекратился, стрекот позднелетних цикад затихал, вентилятор монотонно гудел, а лист бумаги перед ним оставался упрямо чистым.

Двадцать часов. А с того дня, как его покинуло вдохновение, прошла почти неделя.

Клавиши пианино под его пальцами сливались со стрекотом цикад, рождая невыносимо резкий, диссонирующий звук.

Сотня зрителей, оставшихся на стриме, молчаливо договорились не распространяться о том, что они видят. Лишь изредка в чате появлялись тихие сообщения.

[Кто-нибудь может связаться с Ши Фэйжанем? Может, напомнит ему?]

[Сердце кровью обливается... Он что, все это время писал? Честно говоря, мне и те черновики уже казались отличными. Он слишком строг к себе.]

[...]

Фан Хуай на два мгновения крепче сжал ручку, затем разжал пальцы.

Он закрыл крышку пианино.

"Я не могу писать. У меня нет вдохновения".

На краткий миг его охватило непреодолимое желание сдаться.

Он действительно не мог. Каждая нота казалась чужой, непослушной, фальшивой.

Откуда приходит вдохновение? Из страстных порывов души, внезапных озарений, из безграничной любви к жизни.

Казалось, какая-то крошечная деталь внутри него сломалась, и весь сложный механизм перестал работать.

Усталость и разочарование, копившиеся последние дни, подступили к горлу.

Фан Хуай полминуты смотрел в потолок. Затем внезапно вскочил, подошел к пианино и рывком откинул крышку.

Это была Симфония № 5, "Судьба".

Первый же аккорд он взял из самой кульминационной части. Музыка мгновенно взметнулась к вершине - как внезапный ливень, как ревущее цунами - яростная, неукротимая. В этот миг бурный, неистовый поток нот заполнил всю маленькую комнату.

Мгновение назад это был тихий летний вечер, теплый и безмятежный. В следующее - его словно швырнуло в самый эпицентр бури, и этот натиск был так силен, что даже слушатели невольно содрогнулись.

Фан Хуай никогда никому ни на что не жаловался. Музыка была его единственным способом выплеснуть эмоции.

Так что это был взрыв.

Его пальцы с силой впивались в клавиши, каждая нота обрушивалась со всей мощью. Чат, еще мгновение назад оживленный, мгновенно затих. Из сотни оставшихся зрителей двадцать или тридцать действительно слушали - и в этот момент их всех затянуло в музыкальный вихрь.

...Это было невероятно мощно.

Борьба. Преодоление. Когда Фан Хуай играл Пятую симфонию, в ней было что-то новое, отличное от прежнего. Что-то большее.

[AAAAAAAAAA]

[Кто-нибудь записал?! Эта "Судьба" звучит как-то гипнотически...]

Когда последний аккорд растаял в воздухе, Фан Хуай закрыл крышку пианино.

В голове по-прежнему было пусто. Сгущались сумерки, но ни цвета, ни мелодии так и не рождались.

Он тихо выдохнул. "Продолжай писать".

Он подошел к столу и снова взял ручку. Но на этот раз не стал торопиться. Раньше он всегда слишком спешил - писал один отрывок за другим, заставляя себя двигаться вперед, но лишь отдаляясь от цели.

Страстные эмоции. Внезапные озарения. Бесконечная любовь к жизни.

Фан Хуай мысленно повторил эти слова.

Вдохновение...

Когда оно посетило его в последний раз?

Он решил, что это была лишь случайность.

В какой-то момент за окном снова пошел мелкий дождь. Вечер углублялся, быстро перетекая в ночь. И все же Фан Хуай вдруг почувствовал, что сегодня звезды будут особенно красивы.

Он хотел их увидеть. Отчаянно хотел.

Он разблокировал телефон и нашел нужный номер. Палец замер над кнопкой вызова, колеблясь.

После долгого молчания он так и не нажал на нее. Вместо этого он схватил ключи, подошел к двери, бросил последний взгляд на комнату и вышел.

Было время ужина, и из-за дождя улицы почти опустели.

Дождь усиливался, превращаясь в ливень, и поднялся ветер.

К тому времени, как небо окончательно потемнело, Фан Хуай, промокший и без зонта, был вынужден укрыться под навесом круглосуточного магазинчика. Он стоял там тихо, подол его рубашки потемнел от влаги, и смотрел на плотную, непроглядную стену дождя.

- Эй, братишка, мы сегодня пораньше закрываемся, так что... - молодая продавщица опускала металлическую жалюзи магазина, когда заметила его. Она подошла ближе, и ее голос прервался от удивления. - ...Вы Фан Хуай?

Две минуты спустя девушка радостно садилась в машину своего парня, прижимая к груди заветный автограф. Она оставила Фан Хуаю зонт и маленький фонарик. Предлагала подвезти, но он вежливо отказался.

Он хотел подождать еще немного - вдруг дождь скоро закончится?

Прошло еще десять минут.

Кто-то из жильцов в доме напротив приоткрыл окно проветрить, и сквозь шум дождя донесся приглушенный голос диктора из телевизора:

- Ожидается сильный ливень... Осадки продлятся всю ночь... Температура может...

Фан Хуай: "..."

Наверное, зря он вышел. В такую погоду звезд точно не увидишь.

Любой другой на его месте сказал бы, что у Фан Хуая черная полоса. Все шло наперекосяк: вдохновение иссякло, удача отвернулась, и вот теперь, когда он решил просто выйти посмотреть на звезды, его застал внезапный ливень, оставив промокшим и одиноким на

пустынной улице.

Юноша стоял под тусклым светом уличного фонаря, понутив голову, его мокрая одежда липла к телу. Он выглядел подавленным, его обычно задорно торчащие кончики волос поникли, потеряв свою упругость.

Он сделал шаг вперед, выходя под дождь, решив прорываться сквозь непогоду обратно.

Внезапно над его головой раскрылся зонт.

Барабанная дробь капель по ткани стала громче. Вдалеке просигналила машина, ее фары отбрасывали размытые блики сквозь пелену дождя.

Рядом с ним молча стоял мужчина, держа зонт и без слов укрывая его от непогоды.

Е Юйюань только что закончил изнурительное десятичасовое совещание. Приехав, он первым делом увидел Фан Хуая, безвольно стоящего под навесом с видом побитой собаки. Его пальцы чуть сжались.

Фан Хуай долго не произносил ни слова.

Глубокие черные глаза Е Юйюаня неотрывно смотрели на него. Спустя некоторое время он спросил низким голосом:

- Хочешь увидеть звезды?

- Идет дождь, - ответил Фан Хуай, опуская взгляд. - Звезд нет.

Ливень шумел, плотные тучи наглухо закрыли ночное небо. Весь мир утонул в потоках воды, и в этом водном хаосе человек ощущал себя невероятно маленьким.

Е Юйюань мгновение помолчал, а затем произнес:

- Дождь прекратится.

- По крайней мере, сегодня ночью...

У Фан Хуая перехватило дыхание.

Слова Е Юйюаня прозвучали как заклинание, наложенное на мир.

Сильный ливень начал постепенно стихать. Крупные капли измельчали, и в лужах у обочины отразились отступающие облака.

Холодный ночной ветер стал ласковее.

Стоя посреди маленького городка, Фан Хуай услышал, как открываются окна, уловил запах шипящего на сковороде тофу из чьей-то кухни, прислушался к тихому напеву колыбельной, доносившемуся из одного из домов. Эти бесчисленные мгновения жизни сплелись воедино, нахлынув разом, обретая пронзительную ясность по мере того, как стихал дождь.

Краски стали глубже.

Звуки и огни хлынули к нему океанской волной, окружая со всех сторон. Но так же быстро все исчезло. И в мимолетной тишине, воцарившейся после дождя, - Фан Хуай увидел их.

Звезды.

Облака рассеялись, открыв небо, усыпанное мириадами звезд. Их хрупкий свет отражался в каждой луже, мерцая и переливаясь.

Плотно запертая дверь внутри него со скрипом приоткрылась, и из щели полилась музыка.

- Дождь прекратится.

Фан Хуай стоял в центре вселенной, сотканной из бесчисленных звезд и городских огней.

Его душа трепетала в унисон с нахлынувшими красками и мелодиями. Границы времени и пространства растворились. Он нащупал тот самый скрытый шов, наконец поняв, чего ему так не хватало.

Раньше его вдохновение было неуловимым, рожденным из всего сущего. Но на этот раз все было иначе.

Страстные эмоции. Внезапные озарения. Бесконечная любовь к жизни.

Е Юйюань... кем из них он был?

- Смотришь на звезды? - тихо спросил Е Юйюань.

- Мм, - промычал Фан Хуай.

Губы серьезного мужчины едва заметно изогнулись в улыбке - такой мимолетной, что ее почти невозможно было заметить. Выражение его лица оставалось невозмутимым, но в глубине темных глаз поселилась нежность.

Мелодия начала тихонько струиться в сердце Фан Хуая. На этот раз вдохновение не обрушилось лавиной; оно просачивалось по капле, как ручеек, набирающий силу и превращающийся в реку. Оно было еще неполным - складывались лишь фрагменты, но цельная картина еще не возникла.

Это мучительное испытание наконец подходило к концу. На этот раз он нашел ответ.

И имя этому ответу...

Было Е Юйюань.

<http://bllate.org/book/17922/1717325>